

© 2011 г. А.В. Самохин

УДК 941

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К СОГЛАШЕНИЮ О ПОРТ-АРТУРЕ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО ДОГОВОРА 1950 г. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В конце декабря 1949 г. в Москву для участия в юбилее И.В. Сталина прибыл глава только что образованной Китайской Народной Республики (КНР) – Мао Цзэдун. В результате переговоров на высшем уровне 14 февраля 1950 г. был подписан договор о дружбе и союзе между СССР и КНР, а также ряд других соглашений, которые имели не только большое международное, но и военно-политическое значение. Рассмотрим военно-политические аспекты дополнительного Протокола к Соглашению о Порт-Артуре и Дальнем Востоке.

В ходе переговоров 30 января 1950 г. китайской делегации был передан проект нового договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР и ряд соглашений по другим вопросам. Вместе с Соглашением о Порт-Артуре и Дальнем Востоке советская сторона предложила подписать и дополнительный Протокол к нему о нижеследующем:

«1. Материалы и грузы, направляемые из СССР для находящихся в районе военно-морской базы Порт-Артур советских воинских частей, а также материалы и грузы, направляемые Советским военным командованием из Порт-Артура в СССР, не будут облагаться Правительством Китайской Народной Республики пошлинами или какими-либо иными налогами и сборами.

2. Материалы и грузы не подлежали таможенному досмотру на территории Китайской Народной Республики.

3. Советские воинские части и воинское имущество будут беспрепятственно перевозиться от ст. Маньчжурия до станции Пограничная и обратно по КЧЖД» [1. Ф. 3. Оп. 65. Д. 369. Л. 21].

Этот Протокол предоставлял дополнительную возможность Советскому Союзу для осуществления военных перевозок на Дальний Восток по территории Китая, причем, в одностороннем порядке. При этом китайская сторона считала, что такого рода перевозки логически вытекают из Договора и по этому вопросу легко было бы, в случае необходимости, договориться в любое время [2. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 234. Д. 18. Л. 31]. Однако появление такого пункта в Протоколе могло вызвать определенную настороженность Мао Цзэдуна. Тем более что премьер-министр КНР Чжоу Эньлай сам утверждал, что, если Советский Союз передаст Китайскую Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД) Китаю, то китайское правительство согласно, чтобы фактически советские войска перевозились по КЧЖД в любом направлении [1. Л. 30]. В условиях возможного столкновения с США в КНР на полном основании могли рассчитывать на вступление СССР в войну на стороне нового Китая в соответствии с договором. Поэтому выделение особым пунктом права перевозок по железным дорогам, по мысли Мао Цзэдуна, должно быть взаимным, чтобы лишний раз показать особую военно-политическую близость с Советским Союзом. Руководствуясь этими соображениями, Чжоу Эньлай предложил добавить следующий новый пункт: Китайские воинские части и воинское имущество будут беспрепятственно перевозиться от станции Маньчжурия через Читу – Новосибирск – Алма-Ата до г. Кульджа (в Синьцзяне) и обратно по Сибирской и Туркестано-Сибирской железным дорогам и по тракту Алма-Ата – Синьцзян. Для того чтобы он не вызвал особого возражения советской стороны, было предложено пункт 3-й советского проекта сделать первым пунктом.

Как видно из советского отчета о встрече 1 февраля, представители СССР обещали дать ответ дополнительно [1. Ф. 3. Оп. 65. Д. 369. Л. 3]. Поскольку во время переговоров новое предложение китайской делегации не встретило возражений советской стороны, то можно считать, что она не была готова к такому повороту событий. Это, в свою очередь, доказывает, что истинные цели договора были понятны только И.В. Сталину [3]. На следующий день глава Советского правительства предпринял массированную дипломатическую атаку на представителей КНР. 2 февраля А.И. Микоян и А.Я. Вышинский дважды встречались с Чжоу Эньлаем. Оба раза беседа начиналась с вопроса о нежелательности включения предложенного китайцами пункта в договор.

А.И. Микоян во время первой встречи сразу же обратил внимание Чжоу Эньлая на статью 1-ю Протокола к Соглашению о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем Востоке, указав, что в соответствии с пожеланием китайской стороны эта статья поставлена первой. Однако советской стороной внесены изменения о том, что «переброска войск по КЧЖД предусматривается, *только в случае угрозы войны против СССР на Дальнем Востоке* (здесь и далее выделено мной – С.А.)». Такое предложение сокращало вдвое расстояние по перевозкам советских войск через Маньчжурию во Владивосток и, к тому же, давало, в случае войны, два пути таких перевозок. При этом А.И. Микоян настаивал на том, что «*военная угроза Советскому Союзу на Дальнем Востоке реальна*» [2. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 234. Д. 18. Л. 29]. Китайское же предложение о праве военных перевозок по территории СССР было отклонено советской стороной весьма решительно. Оно считалось совершенно неприемлемым. А.И. Микоян, действуя с заранее обговоренных с И.В. Сталиным позиций, заявил о неприемлемости китайских предложений не потому, что СССР «... против перевозок китайских войск по нашим дорогам, и *потому, что предложение мы рассматриваем как контрпредложение в противовес советскому предложению о перевозке наших войск по КЧЖД между станциями Маньчжурия – Пограничная и как особую скрытую форму возражения против этого советского предложения*. Это ясно из того, что для китайской стороны нет никакой необходимости иметь такое право, во-первых, потому что неизвестно, *какая военная угроза висит над Синьцзяном или может висеть в будущем и с чьей стороны* и, во-вторых, всем известно, что дорога из Маньчжурии через Сибирь куда длиннее и неудобнее, чем дорога от Ланьчжоу до Урумчи. Ясно, что здесь нет никаких деловых мотивов, обосновывающих целесообразность такого предложения. Мы не говорим еще о том, что *в случае войны наша Сибирская железная Дорога настолько будет загружена перевозкой войск на Дальний Восток, что вряд ли мы согласимся возить китайские войска из Маньчжурии в Синьцзян и обратно*» [2. Л. 30 – 31].

Эти замечания, как видно из документов, явно смутили Чжоу Эньлая, который пространно стал объяснять смысл статьи, оправдывая свое предложение и стараясь доказать, что оно вовсе не является контрпредложением или противовесом. Далее Чжоу Эньлай проговорился, что новая статья была выдвинута китайской стороной вследствие того, что в советском проекте преду-

смаatrивалась переброска советских войск по КЧЖД [2. Л. 32]. Интересно, что в приведенном случае советская сторона впервые открыто заявила о военной угрозе СССР на Дальнем Востоке. Хотя до этого, в декабре 1949 г., И.В. Сталин говорил, что угрозы войны не существовала. Изменившаяся в начале января военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке заставила и главу СССР пересмотреть свой взгляд на Китай в свете противостояния с Соединенными Штатами. КНР вполне могла вступить в военный конфликт с США. Поскольку втягиваться в это столкновение Советский Союз был не намерен, глава Советского правительства попытался максимально использовать в своих целях все преимущества договора с Китайской Народной Республикой и поэтому заговорил о военной угрозе открыто. Включение этой фразы в Протокол, с одной стороны, давало понять китайцам, что они не одиноки в возможном столкновении с США, с другой, он дистанцировал СССР от Китая в случае военного конфликта. Действительно, этот пункт договора не действовал в рамках союзнических обязательств. Переброска войск осуществлялась только в случае угрозы войны *против СССР*, а не обоим союзникам. Кроме того, это соглашение не имело антияпонской направленности даже формально, в отличие от самого договора. В Соглашении о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем Востоке один из абзацев статьи 2 гласил: «В случае, если любая из Договаривающихся Сторон подвергнется агрессии со стороны Японии или какого-либо государства, которое объединится с Японией, и в результате этого будет вовлечена в военные действия, то Китай и СССР могут по предложению Правительства Китайской Народной Республики и с согласия Советского правительства совместно использовать военно-морскую базу Порт-Артур в интересах ведения совместных военных действий против агрессора» [1. Ф. 3. Оп. 65. Д. 369. Л. 13]. В таком духе вполне мог быть оформлен и сам Протокол. Однако И.В. Сталин не стал этого делать, а значит, здесь преследовались совершенно другие цели. Получается, либо СССР готовился к войне на Дальнем Востоке, один без КНР, либо рассчитывал, что отныне интересы Советского Союза в случае военного конфликта будет защищать и коммунистический Китай. Кроме того, именно в этом Протоколе и выражалась суть военно-политической направленности Советско-китайского договора. Советский Союз видел главным своим врагом на Дальнем Востоке именно США.

Поскольку китайцы могли возражать, так как не понимали истинных целей политики советского лидера, постольку и было устроено такое мощное давление на них. Позиция советских представителей была очень четкая и подготовленная. На Чжоу Эньлая сразу же начали оказывать давление, главным образом по вопросу о Синьцзяне. А в абзаце о загруженности военными перевозками Транссиба содержался и определенный намек на оказание военной помощи КНР. Таким образом, контрпредложение китайцев определялось как каприз. А вот позиция Чжоу Эньлая в этом вопросе была совершенно не подготовленной. Его аргументы в пользу включения в Протокол новой статьи можно признать довольно слабыми. Даже высказывание о том, что включение такой статьи не было бы понято в Китае, звучит неубедительно. Оно явно расходилось с заявлением Мао Цзэдуна о том, что советские войска находятся в Китае для его защиты [1. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 62 - 63]. Скорее всего китайская делегация не была готова к такому отпору, так как до этого практически все их предложения не встречали возражений со стороны СССР.

Далее А.И. Микоян указал, что если китайская сторона возражает против советского предложения, то он предлагал, в таком случае, снять их и принять предложение Чжоу Эньлая о сокращении срока аренды КЧЖД, с сохранением в силе существующего Соглашения сроком на 10 лет. Советский представитель поставил китайцев перед выбором: либо Протокол принимается в советской редакции, либо Соглашение о КЧЖД Порт-Артуре и Дальнем Востоке не будет изменено, а только сокращен срок его действия. Поэтому Чжоу Эньлай снял свои возражения, однако заявил о необходимости консультации с Мао Цзэдуном. Далее он сказал, что не может согласиться с предложением Микояна о возвращении к вопросу сокращения срока аренды КЧЖД. Так как это было бы равносильно признанию, что и с СССР новое правительство Китая сохраняет «неравноправный» договор [2. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 234. Д. 18. Л. 32]. Во время второй встречи с А.И. Микояном Чжоу Эньлай заявил, что вне связи с проектом Протокола он хотел бы поговорить по вопросу о перевозках китайских войск и грузов по железным дорогам СССР. Он спросил, будет ли возможность, не фиксируя данного вопроса в документах, осуществлять иногда, в случае необходимости, перевозки китайских войск по Сибирской магистрали из Маньчжурии в Синьцзян. На что советский представитель ответил, что он удивлен позицией китайской стороны в этом вопросе. Советский

Союз, как союзник, передает безвозмездно огромные богатства: КЧЖД, Дальний, Порт-Артур, все свои права в этих районах, а китайская сторона не хочет дать согласия на перевозку советских войск в одном только направлении. «Какие же мы союзники, если Китайская сторона не может пойти даже на такую уступку» [1. Ф. 3. Оп. 65. Д. 369. Л. 42 – 43], заявил он. Больше к этому вопросу не возвращались, и Протокол так и не был подписан. Таким образом, упорство советской стороны в вопросе формулировок данного протокола, что не было ей свойственно, лишний раз подтверждает наше утверждение об антиамериканской направленности не только самого Договора о дружбе и союзе, но и тех дополнений и приложений, которые не предназначались для публикаций.

Вопрос о военных перевозках был тесно связан с правами на КЧЖД. Поскольку Советское правительство приняло решение отменить «неравноправный» договор о Порт-Артуре то, действуя последовательно, должен был быть изменен и статус КЧЖД. Поэтому подписание дополнительного Протокола, гарантировавшее право на военные перевозки независимо от принадлежности КЧЖД, было в военном отношении необходимо для СССР. Когда это сделать не удалось, И.В. Сталин окончательно утвердился во мнении, что необходимо уступить во имя главной цели – превратить КНР в военный щит СССР на Дальнем Востоке, поэтому Соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем Востоке все-таки необходимо было сохранить. Таким образом, дополнительные соглашения к Советско-китайскому договору 1950 г. фактически представляли собой самостоятельные документы, в которых наиболее ярко проявлялась их военно-политическая направленность. Они создавали, с одной стороны, уверенность у КНР в поддержке нового союзника, а с другой, позволяли СССР дистанцироваться от КНР в случае ее войны с США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Президента РФ.
2. Архив внешней политики РФ.

3. Самохин А. В. Договор 1950 г. между СССР и КНР и его место в военно-политическом противостоянии СССР и США на Дальнем Востоке // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций. Т. 2. Владивосток, 2008. С. 364-369; Проблема Порт-Артура и Дальнего во время советско-китайских переговоров 1950 г: военно-политический аспект // Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее, будущее. Хабаровск, 2009. С. 234-242.

*Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических
связей, экономики и права (г. Хабаровск)*

19 сентября 2011 г.